

Fomina P.A.

DYNAMICS OF PRAYER DISCOURSE IN THE LYRIC OF THE XX CENTURY. STAGES AND FEATURES

Fomina P.A., Russian Federation, Kuban State University

Abstract

In the XX-XXI century, questions of faith are particularly acute, since they are often associated with both specific cultural and historical peculiarities of the national development, and political and economic circumstances. Literary prayer is not only a means of reflection and self-expression, but it also represents the era in which it was written. In this regard, the study of the evolution of poetic prayers of this period is of primary concern. The author's classification of Russian-language poetic prayers from the 1890s to the 2000s, compiled according to the chronological and thematic principle, is presented in the article.

Keywords: Literary studies, poetry, prayer, emigration

Светская русская литература произошла из колыбели литературы духовной. В связи с этим, достаточно обоснованным кажется обращение к жанру молитвы поэтами XVIII (начиная с переложения псалмов) – XIX веков, однако обращение к нему в XX стало литературным феноменом, поскольку в это время доступ к сакральным текстам не только был закрыт, но и жесточайшим образом преследовался.

Говоря о молитвенном дискурсе в поэзии двадцатого века, необходимо понимать, что складывается он из двух направлений – молитв на Родине и молитв, написанных поэтами в эмиграции.

Используя следующие **методы** исследования: описательный, биографический, метод контекстуального анализа, метод интерпретации текста, мотивного и компонентного анализа, мы предлагаем взять за основу деление первого направления по хронологическому принципу, второго по тематическому. Такая классификация актуальна в связи с тем, что в первом случае, в зависимости от того или иного периода, под воздействием исторических и политических обстоятельств содержательное наполнение текстов значительно варьировалось; во втором же направлении актуально вневременное деление, т.к. вне

зависимости от поколения эмиграции темы подвергались не столь сильным изменениям.

Проанализируем каждый этап несколько подробнее.

Первый этап, объединяющий поэтов двух направлений – молитва в дореволюционной России (до 1917 г.). Содержательно и стилистически он наиболее близок к молитвам XIX века, однако к традиционным темам добавляется смутное предчувствие беды, которое с каждым годом становится всё отчетливее и отчетливее в стихах. Так, например, в четырёхчастном стихотворении «Благослови, Господь» Аполлон Коринфский в 1913 году, в преддверии Первой Мировой войны, молит о России:

«Страна родная! Все страданья
Забудь, сумей перебороть,
Свершай судеб предначертанья!
Благослови тебя Господь!» [1]

Патетический пафос второй части стихотворений смешан с рефлексией, что (или кто) именно является причиной бед:

«Не сами ль мы свой разрушаем дом?
Мы как слепцы порой, в разброд идём,
Терзая мысль неразрешимым спором» [1].

Стихотворения Зинаиды Гиппиус «Наше Рождество» и «Свет!» были написаны в декабре 1914 года, и они наполнены уже не предчувствием, а ужасом войны:

«Вместо елочной, восковой свечи
бродят белые прожекторов лучи
сверкают сизые стальные мечи
вместо ёлочной, восковой свечи» [2].

«Стоны
Истомные бездонные
Долгие звоны

Похоронные...» [1]Но даже несмотря на это, их объединяет неугасимая вера в Бога, в его силу, его покров.

«... и буду молиться снова:
родись, Предвечное Слово!
Затеpli тишину земную,
Обними землю родную...» [2]

«Господи, Господи, нет!
Вещее сердце верит....
Мы под крылами твоими.
Ужас. И стоны. И тьма... – а над ними
Твой немеркнущий Свет!»[1]

Октябрьская революция 1917 года расколола Россию. С этого момента молитвенный дискурс разветвляется на два направления – русское и эмиграционное.

Говоря о дальнейшем развитии поэтической молитвы, приведём краткую историческую справку.

В 1917 году собирается Священный собор Православной Российской церкви; из 564 человек 53% – миряне, 28% – белое духовенство, 4% – монахи и 84 человека – епископат, что приблизительно 15%. Самым известным решением собора было возвращение патриаршества, однако, кроме этого, собор занимался и вопросом об отношениях с новым русским государством. В начале 1918 года советской властью издаётся Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. Главной его идеей становится вытеснение всех религиозных организаций, в первую очередь, Православной церкви, из общественной жизни страны. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года происходит расстрел царской семьи.

В 1919 году власть пытается осуществить первую антирелигиозную кампанию по вскрытию святых мощей. Однако в ходе Гражданской войны начать осуществлять планомерную антирелигиозную политику советская власть не может. Удобный момент наступает в 1922 году, когда начинается кампания по изъятию церковных ценностей – ключевой эпизод для выработки советской репрессивной политики в отношении Церкви, которая будет действовать на протяжении последующих 20 лет. [3]

«В ноябре 1917 года Максимилиан Волошин пишет:

С Россией кончено... На последях

Её мы прогалдели, проболтали...» [1]

Стихотворение «Мир» – квинтэссенция боли за Родину, осознания необратимости и молитвенного раскаяния. Поэт просит у Бога не избавления, напротив, всех возможных кар, врагов, бедствий: главное для него – не оставаться в положении предателя, искупить бесчисленный Иудин грех до страшного суда.

В январе 1918 в стихотворении «Русь глухонемая» у автора будто появляется надежда. Поэт сравнивает Россию с отроком, которым овладел демон, однако после слов Господа «изыди, дух глухонемой», юноша обретает способность понимать и слышать. Максимилиан Волошин молит, чтобы бесноватый дух вышел и из страны, ведь избранный – Иисус уже «куёт постами меч молитв и скоро скажет: «Бес, изыди!».

Стихотворение «Родина» написано 30 мая 1918 и эпитафией к нему становятся слова пророка Исайи: «Каждый побрел в свою сторону; никто не спасает тебя»[4]. Поэт изображает Россию израненной, при смерти, в бреду, однако стихотворение наполнено смирением, непротвением, будто революция – это тот крест, который страна должна

вынести, и страстотерпица Родина уже понимает это в просветлении, ведь на всё есть воля Божия:

«Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!» [5]

Второй этап – с 1917 по 1930-е годы XX века. В это время, с одной стороны, в связи с гонениями на церковь возникает необходимость выразить молитву в иносказательной манере, а с другой – появляется большое количество пародий, направленных на высмеивание, осквернение молитвы как жанра.

Одно из таких стихотворений – «Молитва Ивана» Ильи Эренбурга. Лирический герой Иван – пьянчуга, жестокий, страшный человек, которому после «трёх стаканчиков» приходит видение, в котором земля черными язвами полнится, баба с мертвым ребёнком на руках хлеба просит, а бесы «едят младенцев – хорошо, мол, от порчи» [1].

Припоминает ему черт и собственные грехи, однако не выставляет их в дурном свете, только предлагает их «занести в резолюцию». Имя Божие герой забыл, но как только он вспомнил Богородицу, видение отступает. Заканчивается стихотворение очень вольной молитвой Богородице, в котором Иван просит заступиться за «Рассею», «светлым платом покрыть её хмельную срамоту».

По данным переписи 1937 года, результаты которой были объявлены вредительскими, 50,6 % населения признали себя верующими, 75,3 % из них заявили о себе как о православных. При этом нужно понимать, что в действительности верующих было значительно больше, ведь переписчики фиксировали многократные отказы по религиозным соображениям.

Не сломлена была вера и после политических преследований и репрессий 1937–1938 годов. Юрий Домбровский на Колыме в 1940 году пишет стихотворение «Амнистия» с подзаголовком «апокриф». Напомним, апокрифами называют те религиозные произведения, которые не вошли в число канонических книг Ветхого и Нового Завета. Так мы снова встречаемся с образом страстотерпцев, но теперь уже в лагерной поэзии. Текст представляет собой две молитвы: первая – упование заключенного, включающее описание невыразимой помощи Богородицы, её стойкости и добродетели, вторая – молитва «экс-секретаря», которому не спится спокойно, из-за того что зверьё (заключенные) на свободе [1].

О поэме Анны Ахматовой «Реквием» С.В. Бурдина пишет, что уже название поэмы, предлагает некий жанровый ключ к произведению, ведь «реквием» – это католическое заупокойное богослужение, а более общим смыслом этого слова является поминовение умерших, поминальная молитва. Сама Анна Андреевна однажды написала:

«Реквием» – четырнадцать молитв». В её творчестве вообще достаточно много молитв, от коротких афористичных:

Молитесь на ночь, чтобы вам
Вдруг не проснуться знаменитым [1].

До очерковых, придающих жизни смысл, смиряющих страх или слёзы:

«И осталось от всего земного
Только хлеб насущный Твой,
Человека ласковое слово,
Чистый голос полевой» [5].

«В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе тело Христово.
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть» [1].

В **40–70-е годы** потребность в молитве появляется не только у тех, кто впитал веру с молоком матери, но и у самых рьяных богоборцев. На Россию обрушивается Вторая Мировая война, ставшая причиной не только гибели миллионов людей, но и возвращения человека к церкви [3].

Одно из стихотворений, подтверждающих потребность советского человека в вере, – «Матерь Божья, не обессудь» Александра Яшина. В нём поэт обращается к Богородице, при помощи опрощения достигая интонации доверительной беседы:

«Не о ссуде Тебя прошу,
Не путевки жду в санаторий».

Лирический герой и его жена находятся между жизнью и смертью, он не знает, как выбраться из сложившейся ситуации тупика, распутия, бездорожья, и обращается к Деве Марии, как «к последней инстанции»:

«Раз никто не помог пока,
Помоги хоть Ты, Матерь Божья».

В другом стихотворении того же 1958 года поэт создает строки, по нашему мнению, наиболее точно определяющие **третий период**:

«Давно обходимся без Бога:
Чего просить? О чем молить?
Но в сердце веры хоть немного.
Наверно, надо б сохранить».

Следующим периодом в развитии молитвенного дискурса стали **80–90-е годы**. В это время наблюдается постепенный спад антирелигиозной политики государства, возобновление интереса к церкви.

Новое поколение поэтов уже осведомлённое прежнего, но опрощенье не покидает строк стихотворений, и на этом этапе

показательной в этом плане стала так называемая «рок-поэзия». Александр Башлачев включает в альбом «Время колокольчиков» песню «Посошок». На первый взгляд, что общего может быть между последней рюмкой спиртного перед предстоящей дорогой и молитвой? Лирическим адресатом текста является «часовой всех времен», который стоит у последней заставы с горячим штыком и ведёт разговор с героем стихотворения. Исходя из контекста, можно предположить, что это апостол Петр, хранитель ключей от рая. О чем же молится ему адресант?

«Отпусти мне грехи! Я не помню молитв.

Если хочешь – стихами грехи замолю,

Но объясни – я люблю оттого, что болит,

Или это болит, оттого, что люблю?»[6]

Герой признаётся, что не помнит молитв, однако после буквально через строфу звучит:

«... Из соломенной веры в "спаси-сохрани".

Ведь святых на Руси – только знай, выноси!» [там же]

Таким образом автор текста не только погружает читателя в историческую обстановку того времени, но и при помощи иносказаний доносит мысли, ставшие «неактуальными» на полвека по идеологическим и политическим причинам.

Особенно интересным в контексте данного исследования становится активное изучение буддизма и иудаизма. Примером может послужить песня «Русская нирвана» Бориса Гребенщикова, которая входит в состав альбома «Кострома топ атои», выпущенного в 1994 году. В этом тексте соседствуют былинная «мать сыра-земля», православные «кресты горячие на куполах церквей», с которыми лирический герой в согласии (что тоже отмечено в тексте), и «буддизм на русской почве» – «Я сяду в лотос поутру посереде Кремля», или «Ой, Волга, Волга-матушка, буддийская река!» [7].

Начало XXI века продолжает следовать вектору конца XX, направленному на сохранение тенденций к воцерковлению, поиск религии мира как сплава всех религий.

Этот период нам хотелось бы представить на примере творчества Павла Фахртдинова. Его стихотворение «Заberi, Господи, душу» начинается с глагола, стоящего в форме императива, что менее свойственно началу религиозной молитвы, поскольку не возникает образа слышащего адресата. Затем всё-таки следует обращение, выполняющее апеллятивную (призывную) функцию, однако мы замечаем, что предложение построено на оксюмороне «заberi то, чего не дал», по сути «то, чего нет». За счёт этого появляется дисгармоничность, и этот тон продержится на протяжении всего произведения.

Одна из ключевых идей созвучна утренней молитве Оптинских старцев, отрывок из которой гласит: «Во всех непредвиденных случаях не

дай мне забыть, что все ниспослано Тобою», «Дай мне всецело предаться воле Твоей святой». Утверждение веры иронически переносится на ситуацию вручения медали, в которой Бог выступает в качестве начальства, поощряющего несуществующие заслуги. Ирония становится почти кошунственным фарсом, частично извиняет подобный тон только внутреннее состояние лирического героя, душа которого полна боли и отчаяния. Это подросток, отринувший все родительские советы и теперь упрекающий родителей в том, что его не уберегли от беды.

Затем следует не покаяние, как было бы логично предположить, а ещё одно прошение. Герой ратует уже не только за себя, но и за тех, кого коснулась несправедливость: «дай силы поверить... или парню, или тому снаряду», а значит и тому, кто стоит за орудием, отправившим его. Возможно, автор стремится к возникновению у читателя параллели между неизвестным солдатом, чьей рукой, но не по чьей воле искалечен некто, и существом высшим, которое имеет большую силу и способно искалечить целую жизнь. Осознание могущества Бога вызывает состояние, граничащее с ужасом, и сомнение: способен ли вообще кто-то нести такую ответственность. Герой смотрит на трагическую ситуацию уже не как одиночный сторонний наблюдатель, а включая себя в круг «нас», определяя себя неразумным и косвенно признавая свою беспомощность. Её осознание и приводит героя к покаянию.

Он трижды признаётся в своей неискренности, что не хорошо для любого человека, но трижды плохо для поэта, а после снова нарушает каноничное «я безмерно грешен, но ты безмерно милостив, прости меня»: герой сам отпускает себе грехи. Раскаяние становится ничем иным, как оправданием своей обывательской позиции и отсутствию чувств, которые необходимы, для того чтобы оставаться в полной мере человеком, поскольку так безопаснее, проще, комфортнее.

Строка «по замыслу твоему» – закрепление данной молитвы, по сути, снова является выражением отчаянного непонимания себя и того, по каким законам развивается мир, но принятие, преклонение головы перед Господом. Таким образом, даже несмотря на достаточно бунтарское и в чём-то противоречащее общему духу христианства содержание, лирический герой в итоге будто разводит руками и выводит единственный сформулированный, а поэтому и звучащий рефреном закон. «По замыслу твоему» в этом случае может трактоваться как отрицание своей силы повлиять на происходящее, но признание существования Того, чьей силы и власти хватило бы для управления всем сущим и на земле и на небесах.

Герои стихотворений Павла Фахртдинова достаточно часто прибегают к покаянной молитве и чаще всего они «балансируя» на тонкой грани между молитвой и покаянием в конечном итоге сами отпускают себе грехи. Разновидности молитв (хвалебная, просительная, благодарственная и покаянная) достаточно редко встречаются в

литературе без сращений, и поэтому следующий пример просительной молитвы несколько выделяется из ряда текстов, приведённых ранее. Однако он наиболее ярко представляет четвёртый пункт – «просьбу, прошение» [8].

Стихотворение «Молитва» изобилует глаголами в повелительном наклонении, только Господь, по мнению лирического героя, может укротить немощи и даровать необходимое и для духовной жизни, и для телесной. Среди побудительных предложений встречаются и такие, в которых используются формообразующие частицы: это строки «Кто не хочет помочь – да поможет им бог» и «Никого б не продать, когда к стенке прижмут».

Фахртдинов разделяет понятия «Господь» и «бог», и второе не является собственным, «Господь» – существо высшее, близкое самому герою, бог же у каждого свой; кроме того, это идиома, лежащая в основе многих молитв, в т. ч. и молитвы ООН: «Да поможет нам всемогущий и милосердный Бог в наших решениях, которые мы принимаем в целях обеспечить мир и положить конец проливанью крови ни в чем неповинных людей в воюющих странах».

В остальном же чётко разделить на структурные элементы это стихотворение сложно, поскольку основное содержание «Молитвы» в прошении и именно в него вкраплены дополнительные оттенки покаяния.

Признание власти Господней выражается в большом количестве просьб, а, следовательно, в вере в их исполнение и в того, кто их исполнит. Размытая аллюзия на Священное Писание встречается в строке «Никого б не продать, когда к стенке прижмут» отсылает нас к библейскому образу Иуды, за тридцать серебрянников предавшему Христа.

Кроме того, «когда все побегут – помоги не сбежать», созвучно с молитвой Честному Кресту, которая начинается со слов: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его». Герой просит Бога защитить его от искушений лукавого: «ниспошли не сполнить», и помочь остаться верным своим убеждениям, тяге к свету. Именно поэтому закрепляется молитва строкой «помоги мне остаться тут», сообщающей принадлежность героя к тем, кто, напротив, возрадуется воскрешению.

В основе стихотворения лежит оппозиция: герой делит свои поступки на желаемые и вероятные и при помощи молитвы пытается отсечь возможность осуществления второй, нежелательной части. Признание ошибок заключено в знании об их существовании в мире.

Говоря о стихотворении «Диптих», следует особое внимание обратить на его название, поскольку в остальных случаях выбор заглавия очевиден.

Диптих (гр. διπτυχον) – в древней церкви список имен, поминаемых во время литургии. Изначально диптихами называли использовавшиеся греками, а также римлянами таблички для записи, выглядящие как две костяные, металлические или деревянные соединенные друг с другом дощечки.

Сегодня этот термин обычно применяется по отношению к парным изобразительным произведениям (картинам, гравюрам, фрескам), которые объединены общей идеей или сюжетом. Также этот термин употребляется в отношении малых литературных форм, в первую очередь, стихов.

«Диптих» П. Фахртдинова объединён идеей обращения к Богу, но первую часть не вполне правомерно назвать поэтической молитвой и молитвой вообще, поскольку в первой же строке обозначается сомнение не только в том, что мольба будет услышана, но и в целесообразности такого обращения в целом. Несмотря на соблюдение формальных конструкций в данном тексте отсутствует диалогичность, на которой строится явление молитвы.

В связи с этим нами будет произведён анализ только второй части «Диптиха».

Традиционно стихотворение начинается с вокатива «Господи», но затем, следует отсылка не к религиозному тексту, а к стихотворению «В письме на юг» Иосифа Бродского («Помоги мне не быть, помоги мне не быть здесь одним»). Учитывая, что лирическим героем снова является поэт, это можно доказать, обратившись к первой части:

«Погода, профессия, снова люди –
Все это требует одного слова.
Только какого емкого, глубины какой
Оно должно быть? Не хочу рифмовать» [9].

Употребление в рамках молитвы цитаты из художественного произведения делает цитируемого поэта сверхчеловеком, приближенным к святым. Видение мира лирическими героями Бродского и Фахртдинова различается тем, что первый, обращаясь не то к Богу, не то к другу, просит об избавлении от одиночества, второй же просит об исключительности, которая подразумевает высокую вероятность одиночества.

Признание ошибок, покаяние представлено в этой части наиболее объемно. Ключом же его к пониманию становится тенденция, проявившаяся в поэтических текстах многих современных авторов («Богу. До востребования» – Николай Гринько: «Я, конечно, правильно не умею...», Вера Полозкова: «сойди и погляди, непогрешим, на нас, не соблюдающих режим, неловких, не умеющих молиться»), – признание в неумении молиться, но желание воззвать к высшему, прийти к вере, к свету.

П. Фахртдинов молитву «Отче наш», одну из самых распространённых в православном молитвенном богослужении, трактует по-своему:

При чтении "Отче наш" запинаюсь обычно.

Так и хочется произнести: "Отче мой".

и поясняет:

«Это не присвоение Тебя,

Просто сил не хватает просить за всех.

Прошу за себя лично,

Еще два-три имени плюс...» [9]

объединяя её (христианскую молитву) с буддистским термином Инь и Ян, который обозначает противоположности во взаимодействии. При этом лирический герой убеждён, что высшему существу не принципиально, от имени какой религии к нему обратятся, главное – содержание, вечная борьба добра и зла, как в мире, так и в самом человеке. И если строка «а тебе всё равно» – кульминация текста, то после неё происходит катарсис: несмотря на мнимое равнодушие Бога, герой чувствует связь между собой и им и просит «не закрывать окно», не прерывать этой связи, быть рядом с Богом, быть ведомым им.

«Диптих» заканчивается словами «во имя Тебя и Сына и мамы. Аминь». Безусловно, всем известна конструкция «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Что мотивирует автора изменить устойчивую формулу христианства? При толковании может возникнуть два варианта: либо для героя понятие родственников свято, либо, что более вероятно, он добавляет только образ Божьей (а в ней и своей) Матери, которая по-человечески ему гораздо ближе расплывчатого понятия «духа».

Поэтические молитвы в эмиграции свою очередь, можно разделить на нейтральные – собственные переживания и воспроизведение библейских сюжетов, и социальные – трагедия революции в молитве, интерпретации бунтующих, пророков.

Сразу обратим внимание на то, что первая группа гораздо малочисленней. К ней можно отнести, например, стихотворение Константина Бальмонта «Покаяние». Оно было написано 13 ноября 1931 года в Камбретонеи относится к исповедально-покаянному типу молитв. При этом интересно, что изначально лирический герой обращается к «Отцу и Сыну и Матери Божьей» [1], однако после сужает круг своих покровителей только до Пречистой Девы, которая ласковее строгих Сына и Отца, в связи с чем только Ею он может быть прощён.

Личными переживаниями наполнено и стихотворение Зинаиды Гиппиус «Святая Тереза младенца Иисуса». Поэтесса пишет это стихотворение в 1925 году и обращается к Святой Терезе из Лизье, одной из наиболее почитаемых в католическом мире святых. «Девочка

маленькая, чужая», однако спустя несколько строк для лирической героини она уже не маленькая и не чужая, а родная и милая.

Зинаида Гиппиус неоднократно называет Святую – розой; связано это с воспоминаниями Терезы «История одной души», в них она написала, что все цветы, созданные Господом, прекрасны, и великолепие розы не лишает благоухания даже маленькую фиалку. То же и со Святыми: Бог сотворил великих святых, сравнимых с розами или лилиями, но сотворил и малых, которые тоже должны быть довольны тем, что они фиалки или маргаритки [10].

На стыке между социальными и нейтральными молитвами находится стихотворение Владимира Набокова «Молитва», поскольку думы его не о «мертвых милых» и не о Руси, а о русской речи, «плавной, как по ниве движенье ветра» [1].

Условно социальных поэтических молитв в эмиграции было значительно больше. Елизавета Кузьмина-Караваева (мать Мария) в 1931 году пишет стихотворение «И в эту лямку радостно впрягусь», в котором дает Господу обет не молиться больше за себя, а все свои радения посвятить русскому народу, опьяненному свободой, просит:

«Хмельную, нищую, Святую Русь
Ты помяни у Твоего Престола!» [1]

В тридцатые годы ею было написано ещё одно стихотворение, но уже об эмигрантах, чувствующих себя осиротелыми, калеками и скитальцами вдали от Родины. Лирическая героиня не отвергает монументальности и красоты Запада, но пишет, что к Богу путь «лапотный».

То же отношение к России было и у офицера-белогвардейца Федора Касаткина-Ростовского, отразившееся в одном из его стихотворений – «Молитва офицера» из цикла «Изгнание». После обращения к Богу, лирический герой просит дать силы, чтобы дожить до дня справедливости, когда можно будет увидеть близкие могилы, просит дать времени, чтобы дожить до тех мгновений,

«Когда, избавясь от цепей,
Под звук пасхальных песнопений
Русь соберёт своих детей» [1].

Просит помочь пронести через дни труда, нищеты и муки свет веры в то, что встреча с Родиной непременно произойдет.

Ностальгические настроения в стихотворения поэтов эмиграции проникнуты особой болью за страдающую Россию, но даже в самые тяжелые моменты в них всегда есть хоть крупица надежды на возвращение.

Таким образом анализ структуры молитв XX - начала XXI века позволил нам выделить два принципа классификации молитвенного дискурса – в текстах, созданных в России и русскими авторами в

эмиграции. Первая подразумевает подразделение текстов по хронологическому принципу (пять периодов): до революции, в 20-30-е, в 40-70-е, в 80-90-е годы, а также в наши дни. Другая классификация позволяет разделить поэтические произведения на две тематические категории: молитвы нейтральные и молитвы социальные.

References:

- [1] Kalugina V.I., Zakharchenko V.G. Moleetvy russkeekh poetov XX-XXI [Prayers of the Russian poets XX-XXI]. Moscow, Veche Publ., 2013. - 1040 p.
- [2] Gippius Z.N., Posledniye stikhee [The last verses]. Moscow, Promethey Publ., 1990. - 64 p.
- [3] Istoreeya pravoslavnoi kultury (A History of the Orthodox Culture) Available at: : <http://arzamas.academy/courses/43/7> (accessed 14 may 2017)
- [4] Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta kanonicheskiye v russkom perevode s parallel'nymi mestami i prilozheniyami [The Holy Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments canonical in the Russian translation with parallel places and annexes]. Moscow, Rossiyskoe Bibleyskoye obshchestvo Publ., 1995. - 1254 p.
- [5] Markov E.A., Maksimilian Voloshin - Stikhotvoreniya [Maximilian Voloshin - The Verses]. Moscow, Exmo Publ., 2009. - 304 p.
- [6] Bashlachyov A.N., Kak po lezviyu [As if on Thin Ice]. Moscow, Vremiya Publ., 2006. - 256 p.
- [7] Kostroma mon amur. Gruppa Akvarium (Aquarium - Kostroma Mon Amour) Available at: : http://www.aquarium.ru/discography/kostroma_m235.html (accessed 23 april 2017)
- [8] Fomina P.A., Yurieva M.V., Poetic prayer in the Russian lyrics of the post-Soviet period: the case of Paul Fakhrtynov. "Nasledie U. I. Seleznyova i aktual'nie problemi zhurnalistikee, kritiki, literatoorovedeniya, istorii". Materialy vtoroy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Krasnodar 24-25 sentyabrya 2015 g.) [Proc. 2nd Int. Conf. "Seleznev Y. I. legacy and topical problems of journalism, criticism, literary criticism, history"]. Krasnodar, 2015, pp. 144-145. (In Russian)
- [9] Deepteekh. Pavel Fakhrtdeenov stikhi (Paul Fakhrtynov's verses - Diptych) Available at: : <http://www.fahrtinov.narod.ru/texts> (accessed 23 april 2017)
- [10] Istoriya odnoy dushy. Avtobiograficheskie povestee [The story of a soul. Autobiographical stories] Available at:

Science and Society #3 2017

http://karmel.kz/files/Istoria_odnoy_dushy-St.Therese-de-Lisieux.pdf
(accessed 23 april 2017)